

УДК 378.1+001.89

Уроки исторического факультета

Л. В. Кальмина

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Очередная статья из цикла «Воспоминания» посвящена преподавателям исторического факультета Иркутского государственного университета, где автор учился в 1972–1977 гг.

Ключевые слова: преподаватель, студент, экзамен, зачет, однокурсники, история, урок.

Воспоминания – это единственный рай,
из которого мы не можем быть изгнаны.
Жан-Поль Рихтер

Семен Федорович Коваль (1923–2005)⁹

Одержимость наукой

Для меня Семен Федорович Коваль остался в памяти Великим и Ужасным. «Ужасным» – потому что ему ужас как трудно было сдать экзамен! А его величие историка русского освободительного движения в доказательствах не нуждается. Трехтомник «Декабристы в Сибири», два из которых были составлены, отредактированы и прокомментированы С. Ф. Ковалем [2; 3], ходили по рукам наиболее продвинутых студентов.

Семен Федорович присмотрел меня на студенческой конференции. В экспедиции мне посчастливилось найти дневник участника Русско-японской войны, который вложил в свои записи всю гамму эмоций очевидца. Мой анализ Семену Федоровичу очень понравился (как я понимаю, ввиду уникальности самого источника), и он уже на втором курсе сделал мне предложение, от которого нельзя отказаться, – писать у него диплом о забайкальском периоде жизни Чернышевского. Конечно, первой прочитанной мною по теме работой стала статья моего Учителя, которой он открыл серию «Ссылные революционеры в Сибири» [7].

Однако утверждать, что все студенческие годы я вгрызалась в материал своего будущего первого научного творения, – сильно погрешить против

⁹Коваль Семен Федорович (1923–2005). Доцент кафедры истории СССР. Крупнейший специалист по истории декабристского движения. Автор более 150 работ. В течение 27 лет был заместителем главного редактора серии «Полярная звезда», посвященной истории декабризма. Один из инициаторов создания в Иркутске музея декабристов. Участник Великой Отечественной войны, командир пулеметного взвода. Кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны I степени [5; 8; 9]. Студентам 1972–1977 гг. преподавал историю СССР.

истины. Сам Семен Федорович тоже прекрасно понимал, что требовать от студентки, пусть даже отличницы, думать только о дипломной работе – из разряда ненаучной фантастики. Но на пятом курсе он взялся за мое воспитание всерьез. Как-то случайно увидев меня выходящей из кинотеатра, учинил настоящий разнос и потребовал, чтобы за исключением двух-трех часов, вполне достаточных растущему организму для сна, я все время посвящала работе. Сам определил мне режим, по напряженности равносильный трудовым будням героев первых пятилеток, и я неукоснительно его соблюдала. А если и выбиралась куда-то за пределы библиотеки, то вела себя как за линией фронта – не дыша и постоянно озираясь. Рядом с Семеном Федоровичем, одержимым наукой, позволить себе даже слегка отклониться от намеченного курса было совестно.

Диплом я написала загодя и потом со смесью злорадства и сочувствия наблюдала за сокурсниками, которым для завершения работы по неизвестно кем установленному правилу не хватило одного дня.

Первый урок Ковалю: без одержимости нет результата.

Первый – значит лучший!

После прочтения Ковалем моего творения мне слегка поплохело: каждая страница была густо испещрена его ремарками. Однако при разборе замечаний Семен Федорович показал редкое умение слушать и слышать собеседника – даже если это сопливая девчонка. Если я бросалась в бой за каждое написанное слово, замечание сразу снималось. Он уважал убежденность оппонента в своей правоте – при условии, что аргументы подкреплены источниками.

Исправленный в соответствии с его пожеланиями диплом Семен Федорович у меня изъясил и отдал только накануне защиты, заметив при этом: «Забрал специально, чтобы вы не начали его править. Поверьте моему опыту: переделать – далеко не всегда улучшить».

Второй урок Ковалю: первый вариант – всегда самый лучший.

Усвоила я его плохо. У меня осталась привычка радикально перекраивать готовые статьи и, лишь потратив на это несколько дней... возвращаться к первому варианту, досадуя на «те же грабли».

Имеющий уши да услышит!

Немного о приоритетах

После успешной защиты я решила «проставиться» шампанским, напросившись к Ковалю в гости. Однако по наущению подруги, убедившей меня, что к серьезным людям с шампанским не ходят, купила коньяк. Окинув скептическим взглядом своего «собутельника» и поворчав из-за невыполненного обещания шампанского, Семен Федорович коньяк все же откупорил. Последствия, думаю, ясны: бессонная ночь и дипломозащитный стресс, помноженные на пару бокалов крепкого напитка, сделали свое черное дело... О том, чтобы оставить меня на ночь без ущерба для моей женской репутации, не могло быть и речи, и Семен Федорович самолично кантовал меня домой.

Дальнейшее знаю со слов своих соседок по общежитию, которые вспоминали это как ужасик. Уже стемнело, началась гроза, когда раздался осто-

рожный стук. В дверях, ярко освещенный молнией, стоял С. Ф. Коваль с перекинутой через плечо безвольно повисшей ношей. (Заметьте, мы жили на четвертом этаже!) Это было похоже на сон, но снился он почему-то всем сразу...

Через несколько дней, когда стыд от содеянного немножко рассеялся, я зашла к Семену Федоровичу попроситься. Он напутствовал меня словами: «Если бросите науку, это будет преступлением. Но если сложится так, что придется выбирать между наукой и семьей, выбирайте семью! Женщина должна иметь семью».

Третий урок Ковалья: женщина прежде всего должна быть Женщиной.

Этот урок я усвоила. Хотя жизнь показала, что науку и семью вполне можно совместить. Главное – правильно расставить приоритеты.

Практика – критерий истины

Поначалу мы переписывались очень интенсивно. Я строчила какие-то статьи, которые пыталась пристроить в разные научные сборники. Но мне их неизменно возвращали с пояснением, что на эту тему материал уже заказан доктору наук. Короче, фейсом об тэйбл. Семен Федорович каждый раз успокаивал и давал совет пристроить ненапечатанное в какое-нибудь массовое популярное издание, поскольку задиристость моего стиля импонирует журналистам. Вольно или невольно он тем самым определил мою дальнейшую судьбу: журналистике я посвятила большую часть своей творческой жизни.

Четвертый урок Ковалья: из имеющихся навыков надо извлекать практическую пользу.

Владимир Георгиевич Башкиров (1939–1914)¹⁰

Ничего личного!

Владимира Георгиевича Башкирова я побаивалась с самого начала. Его поджарость и очки в роговой оправе создавали впечатление сурового аскета, скупого на чувства. Он читал у нас палеографию, и этот факт удваивал страх, поскольку разобраться в хитросплетениях старых писем было очень непросто. (Подозреваю, что сам Владимир Георгиевич тоже наловчился слёту прочитывать любой текст не так давно, поскольку его научные изыскания и по тематике, и по периоду были далеки от русского средневековья.) [4].

На Новый год моя студенческая подруга пригласила меня в гости. Придя, я впала в ступор: за праздничным столом восседал Башкиров. Оказывается, он был мужем старшей сестры подруги, что она благоразумно скрывала от однокурсников во избежание настойчивых просьб подействовать в сдаче зачета.

В семейном кругу Владимир Георгиевич оказался совсем другим: много шутил, пел и смеялся, а когда мы ночью вышли покататься на санках,

¹⁰Башкиров Владимир Георгиевич (1939–2014). Старший преподаватель кафедры истории СССР. Специалист по экономической истории Сибири в годы Первой мировой войны. Студентом 1972–1977 гг. преподавал палеографию.

уронил меня в сугроб, после чего долго отряхивал насквозь промокшими варежками. Однако когда после праздников я перешагнула порог аудитории в уверенности, что после нашего неформального общения напрягаться для получения зачета мне не придется, встретила с его обычной суровостью. Он долго и с особым пристрастием гонял меня по заданному материалу.

Первый урок Башкирова: мух от котлет следует отделять! Учебу (работу) нельзя смешивать с личным.

«Автоматическое» предложение

К зачету мы с подругой готовились в поте лица, до дыр зачитав альбом старинных текстов. Но Владимир Георгиевич, хотя находился тут же, в квартире, ничем не дал понять, что ценит наше усердие. Лишь изредка окидывал испытующим взглядом, исключавшим саму мысль об обращении к сестре подружки за протекцией.

На зачет я пришла во всеоружии. Устав, полуустав и скоропись больше не казались китайской грамотой, и замысловатые закорючки легко, без принуждения складывались в слова и предложения. Владимир Георгиевич был все так же официален, без тени улыбки на лице. Я уже приготовилась к тексту повышенной сложности, как вдруг он положил передо мной зачетку с отметкой об «автомате»...

Второй урок Башкирова: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут» [1, с. 274]. Правда, сам тезис принадлежал не Башкирову, но именно он продемонстрировал мне его в действии.

Ищите выход!

После первого курса началась полевая практика, которую я проходила в отряде под руководством Владимира Георгиевича. Мы прочесывали глухие маленькие селения в разных концах Иркутской области, терроризируя население расспросами о его житье-бытье во времена массового колхозного строительства и попутно затариваясь продуктами домашнего хозяйства, поскольку в этих забытых Богом деревеньках не было даже ларьков. Наконец, теплоходом доехали до одного села на севере области, где решили сделать многодневный привал. Это была не самая удачная идея: здесь жили потомки раскулаченных... Свою годами пестуемую ненависть к тем, кто в свое время лишил их дома, они дружно перенесли на нас, хотя мы, студенты-примусы, в трагизме их судьбы были неповинны. У нас как раз вышли все продукты, но любая попытка хоть что-то прикупить наталкивалась на глухую враждебность: сельчане сговорились ничего нам не продавать! А теплоход должен был прийти только через трое суток...

Следующий день прошел для нас в неописуемых муках: от голода отчаянно мутило, а внутренности, казалось, прилипли к позвоночнику. Тогда, озадачив нас обработкой полевых записей, Владимир Георгиевич со своим рюкзаком куда-то исчез. Вернулся он к вечеру с объемным пакетом, полным свежей рыбы. Оказывается, день он провел на рыбалке, которая из удовольствия превратилась в суровую необходимость: отряд надо было кормить.

Рыбы оказалось вполне достаточно для ухи и жарки, и следующий день был вполне сытным. Пока мы не без удовольствия сибаритствовали, Владимир Георгиевич опять заступил на вахту... Его, как оказалось многолетнее, увлечение помогло нам продержаться до теплохода. Впоследствии перенесенный стресс вспоминался с изрядной долей юмора.

Третий урок Башикирова: безвыходных положений не бывает!

Николай Кириллович Струк¹¹

«Недокормленное» впечатление

Наше знакомство с Н. К. Струком началось с семинара, на котором я выступила с 15-минутным сообщением о русско-шведской войне 1808–1809 гг. С помощью сотрудников научной библиотеки удалось раскопать какие-то ветхие никем не читанные, судя по неразрезанным страницам, листочки, живописующие военные действия. Вдохновленная находкой, я самоуверенно рассуждала о недостатках в стратегических замыслах обеих воюющих сторон, то и дело лоя на себе ироничный взгляд преподавателя. Его скепсис меня раззадорил, и я язвительно заметила, что тактика неоднократного вывода войск из города под покровом ночи с торжественным вводом их же при свете дня, дабы создать у противника впечатление своего численного превосходства, мне давно известна: читала в «Одиссее капитана Блада» [11, с. 184–186].

Лед тронулся! Николай Кириллович, до того сидевший вполборота ко мне, резко развернулся и до самого конца выступления не сводил с меня уважительного взгляда.

Оценивая мое сообщение, он не удержался от ехидной реплики о девушках, которые имеют дерзость судить о тонкостях военного искусства. Но тут же, посерьезнев, признался, что даже не подозревал о существовании использованных мною источников (книга о приключениях Блада в их число не входила).

Он читал у нас несколько курсов, и мы сдавали ему экзамены каждый год. Не могу сказать, что усердствовала при подготовке. Как только Николай Кириллович видел, что я откровенно плаваю, тут же бросал мне спасательный круг в виде вопроса о русско-шведской войне, даже если сдавала историю Русско-японской. Между нами протянулась невидимая нить, связывающая заговорщиков, которые быстро брошенным взглядом напоминают друг другу что-то известное только им обоим. Заканчивались экзамены всегда одинаково: досадливо махнув рукой, Н. К. Струк выводил в зачетке незаслуженную, но уже ожидаемую мной пятерку.

После окончания университета мы долго не виделись и впервые после длительного перерыва встретились на научной конференции. Мой доклад

¹¹Струк Николай Кириллович (1938–2011). Кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории. Специалист по военной истории России / СССР. Студентам 1972–1977 гг. преподавал историю СССР; историю Великой Отечественной войны. Вел спецкурс «Русско-японская война».

Николай Кириллович слушал со столь знакомым мне выражением интереса и скепсиса. После выступления я призналась ему, что все годы студенчества беззастенчиво пользовалась первоначально вызванной симпатией, о чем сожалею. Ехидный взгляд Николая Кирилловича, как много лет назад, моментально сменился уважительным.

– Хорошо, что ты это поняла, – одобрительно произнес он.

Урок Н. К. Струка: первое яркое впечатление хорошо работает на зачетку. Но его все время надо подкармливать.

Федор Александрович Кудрявцев¹²

Оптимизм зрелости

Федор Александрович был любимцем студентов. Мы обожали нашего Деда, как за глаза любовно называли патриарха сибирской истории, за обширные знания и невероятную доброту. У него всегда можно было стрельнуть «трешку» до стипендии и взять почитать редкую книгу из его богатой библиотеки. О деньгах, которые щедро раздавались вечно голодным студентам, он сразу же забывал, а вот о книге – никогда. Каждый день справлялся, в каком она состоянии и скоро ли вернется к ее законному владельцу.

Его лекции по истории Сибири перемежались рассказами о собственном студенчестве, Гражданской войне, голоде, который испытал, и тифе, который перенес. (Гораздо позже мы узнали, что он был репрессирован, но по понятным причинам нам об этом не рассказывал.) [5]. То, что он выжил в этих нечеловеческих условиях, сделало его неисправимым оптимистом, и он в свои семьдесят с лишком смотрел на жизнь более задорным взглядом, чем мы, восемнадцатилетние. Иногда на лекциях читал свои стихи, которые писал в молодости. Они не отличались особыми художественными достоинствами, но были прочувствованными и искренними.

В начале студенчества у нас оставалась школьная привычка при всем честном народе поздравлять именинников, сопровождая пожелания отличной учебы дружными аплодисментами. Попросив у Федора Александровича несколько минут, мы поздравили сентябрьских именинниц и вернулись к занятиям. На следующей лекции наш Дед первым делом попросил встать недавних виновниц торжества и преподнес им по коробке конфет.

Мы просто (извините за неакадемическое слово) обалдели и тут же решили на его лекциях больше никого не поздравлять, потому что нас много, а он один. Но его по-настоящему красивый жест запомнился.

Первый урок Кудрявцева: не упускай возможности сделать человеку приятное.

¹²Кудрявцев Федор Александрович (1899–1976). Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР. Патриарх истории Сибири, основатель сибирской научной исторической школы. Заслуженный деятель науки и техники Бурятской АССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени [5]. Студентам 1972–1977 гг. преподавал историю Сибири.

Презрение к невежеству

Сдать ему экзамен было несложно – достаточно по диагонали пролистать хотя бы третий том из пятитомной «Истории Сибири», редактором которого он был [6], и проштудировать его совместную с Г. А. Вендрихом книгу по истории Иркутска [10], которая остается классикой при многочисленных попытках «нового прочтения».

Он никогда не ставил оценку ниже четверки, чтобы не лишиться студента стипендии, даже если этот студент был отъявленным балбесом. Не знающие элементарных вещей (вроде «за красных» был П. Постышев или «за белых») тоже могли рассчитывать на «хорошо», но для Федора Александровича они переставали существовать. Он больше никогда с ними не разговаривал и даже не отвечал на приветствие.

Второй урок Кудрявцева: невежда профессионалу не товарищ.

Владимир Владимирович Яровой¹³

Цветовое зрение

Владимир Владимирович запомнился блестящими лекциями по истории Соединенных Штатов и фактурной внешностью, достойной голливудского киногероя.

Экзаменатором он был требовательным. Больше всего не любил, когда студенты ограничивались учебником, и требовал, чтобы почаще заходили в удачно дислоцированный рядом магазин «Политкнига» и знакомились с новинками.

– Не прочтете – так хоть подержите в руках, знайте, какого цвета обложка, – постоянно повторял он.

Его слова были восприняты буквально. «Тонуший» однокурсник в ответ на упрек Ярового, что тот не читал нужную книгу, в отчаянии воскликнул: «Ну как же не читал?! Зеленая такая!» ...И получил желаемую тройку.

Первый урок Ярового: находчивость – главное правило экзаменующегося.

Свадебный подарок

Ближе к лету Владимира Владимировича забрали на военные сборы. По нашим расчетам, он должен был появиться только после сессии, так что экзамен предстояло сдать другому преподавателю, более снисходительному к проявлениям студенческой лени. К тому же на следующий день намечалась свадьба наших однокурсников, и, в предвкушении обильного угощения, мы меньше всего думали об экзамене.

Во время подготовки к ответу первой пятерки вдруг вошел Яровой, своим неожиданным появлением доведя наиболее впечатлительных до полубморочного состояния. Невеста тем не менее блеснула познаниями и полу-

¹³Яровой Владимир Владимирович (1936–2005). Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений. Известный американист. Мастер спорта СССР по конькобежному спорту [5]. Студентам 1972–1977 гг. преподавал новую историю Европы и Америки.

чила заслуженную пятерку. Жених же с трудом наскреб на тройку и бесславно покинул аудиторию.

– А когда ему можно пересдать? – набравшись смелости, обратилась к непоколебимому Яровому без пяти минут новобрачная. – А то у нас завтра свадьба...

– У вас с ним?! Пусть зайдет.

...Жених вышел к нам совершенно убитый с «настежь» распахнутой зачеткой, которая тут же пошла по рукам.

– Ну поставил бы четверку, – искренне страдал он. – Пять-то зачем?

Но Яровой не умел мелочиться.

Второй урок Ярового: миловать так миловать!

Николай Николаевич Щербаков¹⁴

Разрядка напряженности

Николай Николаевич Щербаков не уступал Яровому ни в мужском шарме, не оставлявшем равнодушной женскую половину факультета, ни в профессионализме. Каждая его лекция по российской историографии одновременно была экскурсом в русскую поэзию. Он всегда начинал со стихов Пушкина, и они ненавязчиво готовили нас к восприятию материала о Карамзине, Соловьеве и Ключевском. Но между слушаньем лекции и демонстрацией собственных знаний пропасть, как известно, достаточно глубокая. Интерес, который мы испытывали к сказанному Щербаковым, отнюдь не предполагал успешности сдачи зачета. Тем более по историографии, которая предполагает не просто пролистывание учебника, а знание первоисточника.

В тот день зачет, что называется, не пошел. В аудитории стояла тягучая тишина и витала нервозность, которая передавалась вновь пришедшим. Смурными были даже действительно учившие и что-то усвоившие. «Знал, но забыл» из студенческой байки превратилось в суровую реальность.

Николай Николаевич одним взглядом оценил ситуацию и задал экзаменуемому неожиданный вопрос:

– В чем всемирное историческое поражение женщин?

– В замене матриархата патриархатом, – робко ответил тот.

– А как женщина отомстила мужчине? – Щербаков в упор смотрел на пунцового от смущения студента. – Смелее! Что вы там шепчете насчет рогов?

– Рога наставила, – уже с изрядной долей уверенности выпалил студент.

– Давайте зачетку.

Мы грохнули от смеха. Напряжение сменилось оживлением. Дальше сдавали уверенно, даже с каким-то азартом.

Урок Щербакова: юмор – лучший способ разрядить напряженность. Уместен в любой ситуации. Даже на экзамене.

¹⁴Щербаков Николай Николаевич (1937–2005). Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии. Крупнейший специалист по истории политической ссылки в Сибири. Инициатор издания серии «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» и ее бессменный редактор в течение более 30 лет [5]. Студентам 1972–1977 гг. преподавал российскую историографию.

Список литературы

1. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков // Избранное. – М. : Худ. лит. 1988. – 480 с.
2. Декабристы в Сибири. В 3 т. Т. 2. Дум высокое стремление / сост. С. Ф. Коваль. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – 336 с.
3. Декабристы в Сибири. В 3 т. Т. 3. В Сердцах Отечества сынов / сост. и науч. ред. С. Ф. Коваль. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. – 328 с.
4. *Жеглова И.* Как иркутяне переживали кризис в Первую мировую войну. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kr.by/daily/24374.4/555895/> (29.01.2017).
5. История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин [Электронный ресурс]. – URL: <https://mail.google.com/mail/u/0/?tab=wm#inbox> (29.01.2017).
6. История Сибири. В 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / отв. ред. Ф. А. Кудрявцев. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – 529 с.
7. *Коваль С. Ф.* К истории первого заговора освобождения Н. Г. Чернышевского / С. Ф. Коваль // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917). – Иркутск, 1973. – Вып. 1. – С. 3–20.
8. Коваль Семен Федорович [Электронный ресурс]. – URL: http://irkipedia.ru/content/koval_semen_fedorovich (30.01.2017).
9. Коваль Семен Федорович [Электронный ресурс]. – URL: http://sibhistory.edu54.ru/КОВАЛЬ_Семен_Федорович (30.01.2017).
10. *Кудрявцев Ф. А.* Иркутск. Очерки по истории города / Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 435 с.
11. *Сабатини Р.* Одиссея капитана Блада / Р. Сабатини. – М. : Детгиз, 1960. – 359 с.

Irkutsk University: Issues and Experiences

L. V. Kalmina

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RA S, Ulan-Ude

Abstract. It is a succiding article of the Reminiscences cycle started in volume 19 of the Bulletin of Irkutsk State University series «History». The article is dedicated to the teachers of Historical Department of Irkutsk State University, where the author had been studying in 1972–1977s.

Keywords: teacher, student, examination, test, course fellow members, history, issues and experiences.

Кальмина Лилия Владимировна*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6**тел.: 8(3012)43-35-51**e-mail: kalminal@gmail.com****Kalmina Liliya Vladimirovna****Doctor of Sciences (History), Senior Research Scientist**Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS**6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047**tel.: 8(3012)43-35-51**e-mail: kalminal@gmail.com*